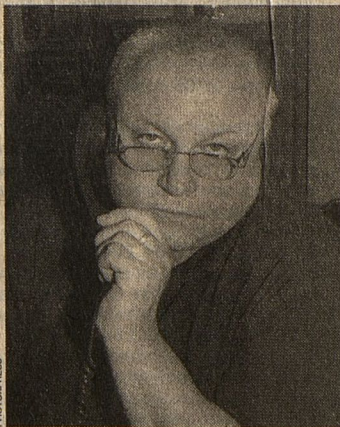

Умер Валерий Огородников

НЕКРОЛОГ

В воскресенье на 55-м году жизни скоропостижно скончался один из последних и самых ярких представителей ленфильмовской школы, лауреат Государственной премии РФ (2000), кинорежиссер Валерий Огородников, чьи фильмы вошли в число символов перестроечной эпохи.

Валерий Огородников снимал кино, похожее на него самого: крупное, основательное, какое-то неистребимо здоровое. Кино без комплексов, самодостаточное: он никогда не обижался на критиков, никогда не заискивал перед ними. То, что его фильмы развернулись в телесериалы, не дань конъюнктуре — им просто было тесно в двухчасовом формате. Но его кино всегда было «себе на уме»: при всей простоте сюжетных схем выкидывало формалистические коленца, при всей своей «народности» питалось множеством культурных ассоциаций.

Его дебют «Взломщик» (1987) только ленивый не ругал по принципу «вас здесь не стояло». Как же, провинциал посмел первым снять святая святых питерской богемы легендарное кафе «Сайгон» и его завсегдатаев. Наверное, критиков больше всего бесило то, что, игнорируя тусовочные заморочки, он накладывал на историю двух братьев — старшего, злого панка, и не по годам серьезного младшенького — схему «Братьев Карамазовых». И

точно так же режиссировал любовь обитателей психушки в «Опыте бреда любовного очарования» (1991) по образу и подобию «Ромео и Джульетты». Для него вообще существовали бессмертные, вечно возвращающиеся истории, и только их он считал достойными интереса. Только современный Федор Карамазов носил косуху, а отец Лоренцо жил на зарплату главврача.

Самый странный и непонятый фильм Валерия Огородникова — «Бумажные глаза Пришвина» (1989), изощренный коллаж, которым он походя опроверг адресованные «Взломщику» упреки в примитивности: радикально авторская, близкая по структуре к модернистской прозе, многотажная конструкция. На одном «этаже» режиссер, исповедующий принцип «это не брак — это эстетика», лепил лихую агитку об офицере НКВД, трахающем в своем кабинете жену подследственного; зрители не сразу догадывались, что смотрят кино в кино. На другом — его оппонент пытался

разгадать тайну исчезновения в 1949 году пионеров отечественного телевидения. На третьем — бесновались маски советской и антисоветской истории, глумливо отплясывал Сергей Эйзенштейн, с которым выморочные «ветераны-потемкинцы» пытались спорить цитатами из Солженицына, а Сталин строил трибуны шаловливую «козу» первомайским демонстрантам. Восемь лет Валерий Огородников не снимал: нагрянуло «малюкартинье» 1990-х. Но форму не утратил, желания работать не растерял, только накопил энергию. Вернувшись в режиссуру, вновь доказал, что может быть предельно прост и сентиментален, как в многофигурном «Бараке», и необычен, почти сюрреален, как в «Красном небе».

Он пришел на «Ленфильм» в знаковый 1985 году. И из всех режиссеров перестроечного призыва именно этот нижегородец, выпускник Уральского политеха, не просто продолжил традиции блестящей и вольнодумной студии, а мгновенно принял

их, как что-то родное, созвучное его темпераменту, дружелюбному сочувствию к людям, наполнявшему его фильмы. «Барака» (1999) и «Красное небо, черный снег» (2005) сняты по повестям столь же безвременно ушедшего из жизни уральского писателя Виктора Петрова в городе Сатка. Об этом городе Валерий Огородников говорил с изумленным восхищением, как о своем открытии, своей добыче, идеальной ретро-натуре: Сатка выглядит в наши дни так же, как в 1930-х годах. Столь же неутомим он был в поисках актеров. Такого количества незамышленных лиц, как в его фильмах, не встретишь, пожалуй, ни у кого из его коллег: от Константина Кинчева и друзей-киноведов до додинских актеров, обойденных кинематографом. Даже своей смертью Валерий Огородников продолжил другую, проклятую ленфильмовскую традицию — уходить в расцвете сил, не завершив последний фильм.

МИХАИЛ ТРОФИМЕНКОВ

Огородников Валерий

04.07.06

40